
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ГЕДДЕС П. ГОРОДА В ЭВОЛЮЦИИ (ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ).
(Перевод с англ.).

GEDDES P. Cities in evolution : an introduction to the town planning movement and to the study of civics. – London : Williams & Norgate, 1915. – P. 313–338¹.

Ключевые слова: город; градovedение (civics); синоптическое видение; городское обследование.

Для цитирования: Геддес П. Города в эволюции (избранные главы) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11 : Социология. – 2021. – № 4. – С. 146–163.

Глава XIV. Изучение городов

Как нам лучше всего приступить к изучению городов? Личные усилия автора как примеры многочисленных подходов к градovedению; с очерком начал необходимой градovedческой обсерватории, городского музея, изучения города и лаборатории в эдинбургской Обзорной башне и т.д.

Мы увидели, что многие, и во всех странах, пробуждаются к тому, чтобы заняться практическими задачами гражданства. Поистине никогда с золотых времен классических и средневековых городов не было еще такого большого интереса к этому и столько доброй воли, как сейчас. Поэтому все чаще и чаще возвращается вопрос: как нам лучше всего приступить к изучению городов? Как

¹ Окончание. Начало в предыдущем номере.

для начала быстро организовать в каждом из них, во всех и, следовательно, тут и там в нас самих общее понимание в отношении методов, нужных нам для того, чтобы сделать наблюдения упорядоченными, сравнения – плодотворными, а обобщения – надежными? Настала пора социологам – т.е. всем, кто заботится о продвижении науки в социальный мир, – привнести порядок в эти растущие исследования, в эти безграничные поля познания.

Автор этих строк не сформулировал окончательного ответа, ведь его собственные изыскания далеко не завершены; а коль скоро он не бюрократ, то у него нет готового метода, который он мог бы между тем навязать; не может он и сослаться здесь на других; и поэтому лучше ему будет начать с собственного опыта. Проблема изучения города занимала его ум больше 30 лет: по сути, личная его жизнь, прежде всего в качестве странствующего исследователя, заключалась и проходила в неустанных и все новых усилиях, нацеленных на поиск тайн эволюции городов и на выработку подходящих путей к их открытию. И его интересы и опыты, несомненно, присущи многим. Бунт любителя природы против городской жизни, даже если он усиливается и укрепляется в юные годы протестом романтиков и моралистов, художников и поэтов, рано или поздно может быть пересилен той притягательностью, культурной и практической, которая исходит от городской жизни. Штудии экономики и статистики, истории и социальной философии множества школ, каждая из которых входит в моду лишь на сезон, начинают восприниматься как неадекватные. Побег из библиотек и лекционных залов, возвращение к прямому наблюдению – вот что необходимо; и тем самым исторические культурные города – классические, средневековые, ренессансные – со всеми их сокровищами прошлого – музеями, галереями, зданиями и памятниками – вновь начинают притягивать на первостепенное внимание и составлять нормы городской мысли.

Опять же и воззрения нынешней науки обновляют свои обещания, суля то доктрины энергетике, то теории эволюции, иногда прорывные шаги в области психологии, борьбу за жизненно важное образование, обновление этики, и каждая из этих возможностей может казаться надежнейшим ключом, с помощью которого удастся проникнуть в городской лабиринт. Географ и историк, экономист и ценитель прекрасного, политик и философ – все

должны по очереди использоваться как проводники; и из их подходов мы узнаем много, но все же никогда не узнаем достаточно, отчего порою в нас, видимо, берет верх оптимист, но часто также и пессимист.

Опять же, дает знать о себе, причем все настоятельнее, потребность в координации всего этого, в силу чего утверждают свою центральную значимость величественный просинтетический очерк социологии Конта или эволюционное начинание Спенсера, а вместе с ними также и исторические Утопии. Но все подобные конструкции слишком абстрактны, и до сих пор им недоставало конкретных приложений ни в плане интерпретации городов, ни в плане их улучшения; им не хватает оценки их комплексных деятельностей. Отсюда очарование тех сиюминутных, но все более величественных музеев современной промышленности, которые мы называем международными и местными выставками, – сосредоточенных в 1878, 1889 и 1900 гг. вокруг Парижа, а в 1915 г. обещающих произвести фурор в Сан-Франциско, – со всеми их богатыми демонстрациями текущей материальной и художественной производительности как на палеотехническом, так и на неотехническом уровне, причем практически во всех их подстадиях и фазах.

Если отвлечься от этого, то иной раз ревущие кузницы индустриальной активности Европы и Америки непременно покажутся самым средоточием мира, даже за пределами столичных городов, которые над ними доминируют и их эксплуатируют. Но в другой раз эволюционная тайна кажется более близкой через возвращение к Природе; и тогда мы ищем синоптическое видение географии вместе с Реклю, элементарных занятий вместе с Ле Пле и Демолем (с их полным симпатии изучением простых народов), рождения промышленности и общества вместе с антропологами. И от этого мы снова возвращаемся – через семью и семейный бюджет – к современной жизни, и даже к ее статистическим трактовкам, к Буту и Раунтри с их исследованиями бедности, к Гальтону и евгеникам и т.д. Таким образом накапливаются идеи, но вместе с тем накапливаются и трудности работы с ними; ибо упущение из виду любого аспекта или элемента жизни сообщества неизбежно делает нас уязвимыми для того упрека в грубо упрощенном теоретизировании, который мы обычно адресуем политэконому.

Один из лучших путей для работы, которую может сделать человек в направлении прояснения своих идей, пролегает через попытки сообщить их другим; фактически именно им считает себя обязанной профессура, и именно им выражает она признательность за ту продуктивность, коей она обладает. Практически каждый учитель подтвердит схожий опыт; и исследователь в области социологии и градovedения может со всей смелостью принять участие в пропаганде этих исследований. Ведь здесь до сих пор нет никаких установленных авторитетов, которые бы мешали делу, никаких конвенций, которые можно было бы нарушить; и в то же время, возможно, нигде так не верны слова, что «люди гибнут от отсутствия знания», и даже то малое, что мы можем дать, способно принести пользу. Больше того, такое учительство помогает наблюдению и даже требует его. Так постепенно вырастают тут и там взаимно полезные и стимулирующие группы, которые могут опять-таки стать условием дальнейшего прогресса, как очень часто бывает в истории интеллектуального и социального движения.

Еще один вопрос, лежащий у самых истоков наших социальных исследований и возвращающийся снова и снова, звучит так: как нам связать себя с практической жизнью? Наблюдатель видит значительную часть игры; должна практиковаться благоразумная отстраненность; наши наблюдения не могут быть слишком всеохватными и многосторонними. Наши размышления тоже должны быть длительными и беспристрастными. А как этого добиться, если они не будут безмятежными?

Отсюда «умственная гигиена» у Конта; отсюда же у Спенсера долгая и упорно поддерживаемая защита его обители от внешнего мира и присущее ему воздержание от социальных обязательств и деятельностей, даже от тех, с которыми сталкивались другие философы. Но есть у этого и другая сторона: мы учимся в ходе самой жизни, но как натуралист, наряду со своими бесстрастными наблюдениями и даже чтобы помочь им, не может слишком полно идентифицироваться с жизнью и деятельностью других людей в тех простых природных средах, которые он хочет исследовать, так же может быть и с исследователем обществ. С этой точки зрения, «когда в Риме, делай как римляне»: давайте, насколько возможно, чувствовать себя как дома в характерной жизни и дея-

тельности города, являющегося нашим домом, хотя бы и временно, в его социальных и культурных движениях, если мы хотим понять его летопись и его дух, его качества и недостатки и оценить его место в цивилизации.

И еще больше мы должны взять на себя участие в жизни и трудах сообщества, если хотим сделать эту оценку действенной, т.е. если намерены выявить возможности места, работы, людей, действительных или нужных группирований и институтов и тем самым оставить это место в какой-то степени лучшим для нашей жизни в нем – более богатым, а не бедным, для нашего пребывания. Наша деятельность может в какой-то мере прерывать наше наблюдение и философствование, притом даже часто, но в дальней перспективе это сулит нам немалые возмещения. Ведь здесь мы находим ту экспериментальную социальную науку, которую политэкономы-теоретики обычно объявляли невозможной, но которая все же движется параллельным курсом и имеет экспериментальную ценность для практики, схожую с той, что освещает теорию, критикуя или развивая ее, в более простых областях действия – например, если вам угодно, в инженерном деле или медицине. С градоведением и социологией так же, как с ними. Величайшие историки, древние и современные, были людьми, принимавшими участие в делах. На самом деле для всех наук, как и для самых идеальных исканий, действен один и тот же принцип: чтобы познать доктрину, нужно прожить жизнь. Научная отстраненность – всего лишь один из умственных настроев, хотя часто и необходимый; наши поиски не могут увенчаться успехом без участия в активной гражданской жизни.

В каждом занятии и профессии есть свое франкмасонство, быстро и гостеприимно ассимилирующее новичка, разумно им сочувствующего. Здесь кроется преимущество светского человека, художника и любителя искусств, ученого, всякого рода специалиста и, прежде всего, гражданина, чуткого к многогранности социального мира и желающего помогать другим людям и работать с ними.

Более того, хотя урок жизни каждого города уникален и с каждым ходом челнока эта уникальность может расти, основа жизни в целом схожа от города к городу. Так, типы семьи, основные занятия и их уровни можно понять в более общем ключе, чем

более тонкие результирующие. И все же на практике это удастся редко, поскольку образованные классы всюду склонны специализироваться вдали от жизни и трудов народа. А большинство граждан составляют простые люди; даже их все новые и новые правители – это всего лишь люди, достигшие большего роста в лучшую или в худшую сторону. Отсюда новое требование к исследователю городов: он должен делить с людьми их среду и жизненные условия и, насколько возможно, их труды, симпатически сживаться с их трудностями и радостями, а не просто с трудностями и радостями культурных или правящих классов.

Здесь усилия Университетских Поселений пошли намного дальше благополучно вышедшей из моды привычки «шляться по трущобам»; но тот, кто изучает город и работает с ним, нуждается в опытах более полных, чем те, что обычно ими предоставляются. О ценности такого поселения для его работников, а также для организаций и индивидов, на которых они влияют, можно многое сказать с филантропической и образовательной, социальной и политической позиций; но чтобы повысить его городскую ценность и влияние, в его точке зрения нужен некоторый прогресс, аналогичный тому, которого достигает медик, когда переходит от своего амбулаторного опыта работы с отдельными пациентами к опыту департамента общественного здравоохранения.

Всеми этими разнообразными путями идеи автора об изучении городов постепенно прояснялись в ходе его многолетних градоведческих изысканий и начинаний. Последние были сосредоточены по большей части в Эдинбурге (ибо, по целому ряду причин, это один из самых поучительных городов мира как для исследования, так и для экспериментального действия), а также в крупном промышленном городе и морском порту Данди – с исследованиями и обязанностями в Лондоне и Дублине и особенными симпатиями и узами в Париже и других континентальных городах, а также городах американских, – и из всех этих интересов и занятий постепенно вырастали некоторый метод градоведческих изысканий и исследований и некоторая модель практики и применения. Они одинаково несовершенны и находятся еще в зачаточном состоянии; тем не менее краткий их набросок может быть полезен для других исследователей городов. Общий принцип в них – синоптический: надо стремиться, насколько возможно, распознавать и ис-

пользовать все точки зрения, готовясь тем самым к «Encyclopaedia Civica» будущего. Ибо она должна включать одновременно и научное, и, насколько возможно, художественное изображение жизни города: она должна выстроить на основе этих материалов интерпретацию хода эволюции города в настоящем; она должна во все большей степени предсказывать его будущие возможности; и тем самым она сможет будить и просвещать гражданство, организуя усилия, направленные на осуществление некоторых из этих достойных целей.

Прежде всего таким образом, а также с дополнительной стороны, из исследований природы и географии, в прошлом за многие годы сложились зачатки Градоведческой Обсерватории и Лаборатории в Обзорной Башне у нас в Эдинбурге. Это высокое старое здание, возвышающееся над крышами Старого Эдинбурга, позволяет охватить взором весь город и даже большую часть окружающего его региона; относительно просветительской ценности этого синоптического видения каждый посетитель имеет, стало быть, свежее впечатление. Ввиду этого на протяжении по меньшей мере двух поколений до нынешнего ее использования эта башня была пристанищем туристов; и ее камера-обскура, гармонизирующая удивительный ландшафт, ближний и дальний, и делающая это с немалым элементом характерных качеств лучшей современной живописи, была, следовательно, сохранена, как ради нее самой, так и в качестве свидетельства того, что научными и философскими умами столь часто упускается из виду, а именно того, что синтетическое видение, к которому они стремятся, с эстетической и эмоциональной стороны может быть достигнуто проще и сделаться, таким образом, зримым и конкретным. Короче говоря, здесь, как и всюду, дети и художники могут увидеть больше, чем мудрецы. Ибо не может быть никакого изучения природы и никакой географии, заслуживающей своего имени, отдельно от любви к Природе и от ее красоты, и точно так же обстоит дело с изучением Города.

Далее, под этим высоким Обзорным пунктом художника и связанной с ним галереей на открытом воздухе, предназначенной для его научного брата географа (оба этих обзора с редкой полнотой являются сразу и городскими, и региональными), находится

этажом ниже – на основной платформе на уровне крыши и тоже на открытом воздухе – «Смотровая Площадка» («Prospect») специальных наук. Здесь от случая к случаю выставляется анализ обзора в разных его аспектах – астрономическом и топографическом, геологическом и метеорологическом, ботаническом и зоологическом, антропологическом и археологическом, историческом и экономическом и т.д. Каждая наука, таким образом, отражается в ее простой, но специализированной проблеме. Тот или иной элемент целостной среды отделяется с помощью логического искусства науки от тотальности нашего опыта. Специальное его исследование, при этом становящееся возможным, увенчивается тем, что мы именуем «наукой», притом с определенностью, все более допускающей предвидение и действие. И все же эта наука, эта совокупность поддающихся проверке и действенных истин, оказывается обширным и всеобъемлющим подавлением других (и, возможно, более важных) истин, пока она не реинтегрирована вместе с результатами других исследований в лежащее перед нами географическое и социальное целое, региональное и городское единство. В этом, если говорить коротко, и состоит наша философия градovedения, наше притязание на место градovedения в философии. Так, на основе нашей перспективы ребенок часто начинает свои научные поиски, бойскаут отправляется в свою экспедицию. Но и эксперт должен тоже к ней вернуться, чтобы обсуждать значимость и применения собственной науки с философом в качестве гражданина и с гражданином в качестве философа.

Этаж, располагающийся ниже этой смотровой площадки, посвящен Городу. Здесь выставлены его рельефные карты-модели, геологические и прочие, в соотнесении с разными его гранями и красотами, выраженными в художественных полотнах, рисунках, фотографиях и т.д.; и именно в этой обстановке постепенно подготавливалось Обследование Эдинбурга от его доисторических истоков, с прохождением через разные его промежуточные фазы, до фотографических деталей наших дней. Так многочисленные точки зрения, обычно разделенные между специалистами, сводятся здесь воедино, и результат оказывается просвещающим для всех заинтересованных сторон.

Следующий нижний этаж посвящен Шотландии с ее маленькими и большими городами. Далее следует этаж, отведенный

Великой Британии, а отчасти и некоторой репрезентации всего англоязычного мира, в том числе Соединенных Штатов в не меньшей степени, чем Канады, и т.д.; здесь Язык берется как более социологическое и социальное единство, чем даже такое, какое может быть обеспечено имперскими узами. Еще ниже этаж отводится Европейской (или скорее Западной) цивилизации – с общим введением в исторические штудии и их интерпретацию, а также трудами Клуба текущих событий и собранными ими объемистыми собраниями газетных вырезок на многие темы, преимущественно международного и общего характера, – и, кроме того, сравнению западных городов. Наконец, нижний этаж отводится восточным цивилизациям и общему изучению Человека – разделам, до сих пор, естественно, наименее развитым. При этом общий принцип – приоритет городской и социальной перспективы, усиленный проникновением в местные детали с помощью всех научных перспектив полного обследования и к тому же поддержанный контактами всех точек зрения с более широким миром и их последовательным движением во все более расширяющиеся социальные зоны, от непосредственно открывающегося вида все дальше вовне, – теперь достаточно ясен, и, разумеется, он будет увиден как приложимый к любому городу. Его можно опробовать в любом городе, в любом индивидуальном исследовании, даже начинающемся с последовательного ряда полок в книжном шкафу или, еще лучше, в слаженной деятельности Клуба текущих событий, – и все это опять же, по возможности, с созданием Комитета по региональному и городскому обследованию. В любом и каждом масштабе, личном или коллективном, усилия непременно принесут плоды.

А как же с практическими приложениями? Если вернуться, имея в виду этот вопрос, на этаж, специально посвященный Городу, то хотя в основном его занимает выставка фактов прошлого и настоящего, собранных в ходе обследования, к ней примыкает Городская деловая комната. Здесь многие годы развертывалась основная практическая городская работа этой Башни, различные ее усилия, направленные на улучшение города. По большей части это улучшение тех трущоб, о которых выше уже говорилось как о позоре и проблеме Старого Эдинбурга, работа по ремонту или обновлению жилых домов, по увеличению открытых пространств и там, где это было возможно, засаживанию их садами, по сохране-

нию исторических зданий, созданию коллегияльного жилья с сопутствующими зданиями и т.д. Каждый элемент работы развертывался, насколько позволяли обстоятельства и средства, но все элементы были частью единой долгосрочной схемы, которая даже при более высоких темпах может все же требовать много времени для своего осуществления. Короче говоря, это схема сохранения и возрождения исторического Эдинбурга одновременно с точки зрения города и университета – т.е. и как Города, и как Университета, причем каждого в наилучшем виде. Это требует обновления – а в этом историческом районе, сколь бы он ни был ветхим и деградировавшим, особенно – того тесного сочетания народной культуры и высшего образования и той солидарности городского и национального духа вкупе с открытостью и гостеприимством к более широкому миру – английскому, колониальному, американскому, континентальному, – которые входят в число лучших традиций Эдинбурга и даже Шотландии в целом с ее историческими университетами и школами.

Аналогичный центр долго боролся за то, чтобы закрепиться в Лондоне. Сюда входят зачатки департамента градоведения, возникшие сначала во временных помещениях Лондонского университета, а затем закрепившиеся в большем числе зданий в ходе недавней реконструкции Кросби-холла в связке с университетским жилым домом на месте сада сэра Томаса Мора в Челси; эти схемы тоже были удачными для нахождения кооперации – как научной, так и практической. Научная точка зрения и гражданская цель действия соединяются здесь, направляясь на восстановление лучших традиций Челси, находящихся на втором месте после традиций двух великих сити Лондона и Вестминстера, но в ряде отношений превосходящих их. Эти традиции рассматриваются не просто как представляющие исторический интерес и наделенные соответствующим очарованием, а как живое наследие, способное оказать влияние и вдохновляющее воздействие как на горожанина, так и на студента и, стало быть, допускающее новую, хотя и естественную линию развития, ведущую к бору, не меньше, чем линию превращения в истинный университетский сити; соответственно, в слишком холодный индивидуализм и слишком обособленную интеллектуальность Лондонского университета может войти толика

социальных преимуществ и культурной устремленности ассоциированной жизни.

Но все это, можно сказать, слишком академично; слишком много тут простой летописи странствующего студента и его меняющихся воззрений и точек зрения, его личных переживаний и начинаний. Что сказать об иных городах, не университетских? Как применить к ним в более общем плане градоведческие обследования и усилия? Вопрос справедливый, и на него мы попробуем ответить в следующей главе.

Глава XV. Обследование городов

Как сделать градоведческие изыскания и городские обследования более общими, основательными и эффективными? Призыв к городским музеям и библиотекам, с примерами начинаний в небольших и крупных городах. Школьные обследования как образовательные процессы и продукты; примеры, касающиеся начальных школ, педагогических колледжей и университетов. Высокая значимость обследований в образовании и в философии. Их применения, моральные и социальные; их призыв ко всем группам и деноминациям.

Как городские обследования и усилия применить в более общем плане, обстоятельно донести до общественности, сделать эффективными, полными, доступными, понятными? Вот вопрос из предыдущей главы, на который мы должны попытаться ответить в этой, причем по нескольким сходящимся линиям.

Как и у других профессиональных органов, у музейных кураторов Великобритании есть свой Ежегодный конгресс. В 1907 г. он проводился в Данди, и было вполне уместно, что провели его в галерее городского музея, посвященного «Старому Данди». Выслушав естественные и подобающие по поводу жалобы кураторов на недостаточную поддержку их учреждений и разные выражения их озабоченности тем, чтобы привлечь к этой проблеме общественное внимание, автор этих строк выпалил свой доклад в форме практического предложения, которое можно свести к следующему:

Вы жалуетесь, что у вас нет достаточных средств, чтобы надлежащим образом содержать ваши музеи и уж тем более их

улучшать. Не следует ли найти какой-нибудь способ адекватно разрекламировать ваши учреждения – конечно, уместно и законно, в должной кураторской манере, – сделав их интересными для более широкой части вашего сообщества? В настоящее время ваши древности мало кого интересуют, разве что антикваров, а этот класс все более сокращается. Итак, здесь у нас есть наша восхитительная коллекция городской истории, наш город в 1800, 1700, 1600, 1500 г. и так вплоть до древнего кельтского городища и его римской трансформации; и это естественным образом привлекает любителей древностей. Но ценность этой коллекции зависит от того, что каждый из выставленных экспонатов был актуальным для своего времени. Именно его аутентичность делает его интересным. Почему же этой коллекции должно не хватать актуальности для *наших* дней? Почему нет адекватной экспозиции этого города в 1900 г., в 1907-м? Почему бы не привнести это и не добавить к нашему Музею Прошлого соответствующую выставку Настоящего? Как это сделать? Просто. Гляньте, например, на «Жизнь и труд лондонцев» Бута с приложенной к этой книге замечательной картой; посмотрите соответствующие обследования других городов – Йорка, Манчестера, Данди и др. Сделайте приблизительно то же самое для каждого города. Добудьте побольше картин и фотографий его нынешних красот и уродств; соберите статистику и другие подробности у городских властей, регистраторов и т.д., так чтобы отныне любой и каждый активный гражданин мог найти в музее самое готовое и удобное место для выяснения всего, что он хотел бы узнать о своем городе. Таким путем ваш музей получит новую компанию завсегдатаев, каждый из которых в будущем станет вам другом, ибо вскорости вы увидите, что можете рассчитывать на их поддержку, и чем дальше, тем больше. И это еще не все, что вы можете сделать; помимо горстки антикваров и много большего числа практичных людей, интересующихся соответственно прошлым и настоящим, у вас есть еще третий класс, небольшой, но важный и численно растущий. Это люди, которые начинают мечтать о будущем. Они желают видеть какой-нибудь прогресс в собственном городе, какое-нибудь актуальное улучшение, будь то расчистка его трущоб, возведение новых зданий и учреждений, обеспечение открытых пространств и, в первую очередь, планирование его будущих расширений – его

практически осуществимой Утопии, а по факту Эвтопии. Следовательно, добавьте к вашим галереям Прошлого и Настоящего еще третью комнату – или хотя бы стенд или пару стендов – для этой конкретной экспозиции Будущего вашего Города, и тем самым вы привлечете в музей третий, новый класс поддерживающих. Итак, даже если вас не заботит ваш город, даже если вы все еще не чувствуете его порыв к гражданству, примите это предложение как, по крайней мере, новый аттракцион, законную форму привлечения общественного внимания, и поразмыслите, не будете ли вы в самом скором времени вознаграждены, если его осуществите.

Это предложение, чуть ли не многословное, было тепло поддержано президентом Конгресса и активно обсуждалось на специальном собрании, на котором большое число музейных кураторов Соединенного Королевства тепло высказались в его поддержку и решили посмотреть, что можно было бы сделать для его реализации в их городах и в их музеях. Вышеприведенное предложение, конечно, в не меньшей степени, чем к музеям и их кураторам, применимо к публичным библиотекам и городским библиотекарям. Как нам тогда как городским социологам одновременно помочь этому движению и кое-что из него узнать? Не пора ли кураторам и библиотекарям, геологам и натуралистам, местным историкам и любителям древностей, архитекторам и художникам, бизнесменам и экономистам, священникам и социальным работникам всех деноминаций, политикам всех групп объединить усилия – сначала, несомненно, по большей части как индивидам, но также привлекая по возможности свои общества и организации – для создания собственного Градоведческого Обследования и Музея?

В качестве впечатляющих образцов многостороннего прогресса этого движения можно взять один пример, относящийся к малым городам, и один, относящийся к большим: Сафрон-Уолден и Ньюкасл-апон-Тайн. В первом случае было налажено активное сотрудничество между музейным куратором и департаментом естественной науки Педагогического колледжа; так было учреждено Общество для проведения обследования, к которому граждане могли присоединиться как члены, а молодые люди, работающие или учащиеся в школе или колледже, – как ассоциированные сотрудники (с умеренным ежегодным взносом 1 шиллинг и 3 пенса соответственно). Был успешно пробужден интерес к этому

начинанию; музей был улучшен, и не просто в виде обогащения различных его коллекций и создания новой, региональной, но прежде всего с точки зрения общественной симпатии и образовательной пользы. Было предпринято фотографическое обследование; с помощью архитектора-градопланировщика древний город был более точно картирован и проинтерпретирован и даже реконструирован в наглядном виде на разных этапах его прошлого. На основе этой локальной экспозиции была легко собрана меньшая по объему типовая коллекция, которая теперь демонстрируется на правах аренды на Выставке городов и городского планирования и в других местах как живой образец осуществимости такого обследования и интереса к нему. Естественно развились охрана городских памятников и зданий, высаживание деревьев и кустарников, поощрение садоводства в любом масштабе – начиная с детского цветочного горшка и выращивания цветов на подоконниках, – а также рост интереса к проблемам общественного здравоохранения и жилья. Но, что лучше всего, – поднялась новая волна городского гражданского чувства; с готовностью организуются костюмированные представления и фестивали, можно полнее дышать атмосферой гражданства, и жизнь в разных ее моментах стала светлее и ярче, поскольку сообщество и индивиды учатся взаимодействовать по-новому.

А что же Ньюкасл? Как добрый знак, прямо когда пишется эта глава, в Городском Совете принято ходатайство советника Адамса, которое вполне стоит привести здесь как типичное и в равной степени применимое во всех прочих местах:

«Желательно учредить для нашего Города Городской Музей, в котором могли бы быть наглядно представлены, среди прочего, история города и рост и развитие муниципальной, социальной и промышленной жизни Города; и от Комитета по общественным библиотекам надо потребовать рассмотреть и представить в отчете наилучшие средства осуществления указанного».

Разумеется, у Лондона есть теперь свой Музей в Стафффорд-Хаусе; и есть примечательные начинания и еще больше материалов в других городах. Следовательно, это движение можно рассматривать как основывающееся на надежных принципах; но чем меньше времени мы сейчас будем терять, тем лучше будет для его

развития на местах и в конкретном воплощении. Даже отвлекшись от неотложной необходимости городского развития в свете уже вышедших на передний план проблем городского планирования и жилья, каждый куратор и библиотечарь знают, насколько труднее с каждым годом становится собирать предметы и иллюстративные материалы, еще не так давно бывшие дешевыми и относительно многочисленными.

Помимо всех только что названных учреждений, есть еще одно, самое слабое и до сих пор в специальном отношении наименее подготовленное, но при этом среди всех самое многообещающее и полное возможностей. Это начальная школа. Стоит только нам убедить хотя бы один из департаментов образования – английский, шотландский или ирландский, в каком-нибудь американском городе или континентальной стране, – что в этом движении изучения городов обретается дополнение к изучению природы (которое эти ведомства более или менее признали) и средство объединения и оживления исследований, даже еще более могущественных и легко применимых, чем «школьные походы» и бойскаутские вылазки, – и скоро развернется целое национальное обследование с его региональным и городским разделением труда. Меж тем есть прекрасные начинания, и уже много где; замечательным примером здесь служит начинание м-ра Валентайна Белла в начальной школе Ламбета, где его мальчишки действительно помогли ему в обследовании боро, воспринятом с восхищением и энтузиазмом учителями со всех краев в Генте и Дублине; образовательная ценность и результат этого обследования были очевидными и плодотворными и на родине. Здесь мы фактически находим зарождение движения «Узнай свой город», охватившего наши города, а в последнее время и города американские; еще больше мы находим зачатки регионального обследования в рождении и росте бойскаутского движения; а отсюда всего один шаг до реального начала городского обследования.

Если перейти к университетским школам географии, то оксфордская школа уже давно особенно продуктивна в отношении обследований, и среди множества превосходных региональных диссертаций учеников профессора Хербертсона можно выделить

как особенно поучительный и убедительный образец восхитительное «Обследование Солсбери» мисс Л.М. Харди; эта работа имеет животрепещущее значение со многих точек зрения и одинаково поучительна как для епископов, так и для градопланировщиков.

Особенно отрадно для автора то, что после долгого перерыва на Пасху 1914 г. должны активно возобновиться региональные обследования, многие годы отличавшие Эдинбургские летние собрания, причем займется этим свежая и более молодая группа, включающая прежде всего активных участников ранее упомянутого обследования Сафрон-Уолдена: мисс Баркер, м-ра Мейнарда, м-ра Морриса, а также других, упомянутых и не упомянутых выше. Кроме того, эти люди готовили широкое обращение к учителям, взывающее «к изучению и практике региональных обследований в сельской местности и городах и к рассмотрению их применения в начальном и среднем образовании». Приглашение этой зарождающейся ассоциации в Дублин открыло новый ряд контактов, благодаря чему метод стремительно распространяется. Британское экологическое общество теперь так же строго привержено нанесению Британских островов на карту, как и Геологическое обследование – в своей ранее установившейся области; но, вероятно, мало кому из его членов известно, что первый его инициатор, покойный Роберт Смит, сделал свои карты растительности, носящие его имя и ставшие ныне классическими, в рамках разделения труда в том региональном обследовании Шотландии, а не только Эдинбурга и его окрестностей, – которое является центральной задачей Обзорной Башни и главным оправданием ее призыва к применению ее принципа в каждом городе и каждом районе.

И в завершение – пара слов об образовании в высшем его выражении, о самой его философии, т.е. – на уровне университета, и отчего бы не шире? Что, если давно лелеемый в мечтах синтез знания, который мыслители обычно искали прежде всего в абстракции – и с помощью высоких и малопонятных специальных инструментов, логических, метафизических, психологических, математических и прочих, всегда слишком оторванных от нашего простого мира природы и человеческой жизни, – на самом деле прямее выявляется вокруг нас в наших обследованиях конкретного

мира и по ходу этих обследований? Что, если Аристотель, этот старый мастер познания, говорил о настоящей необходимости «синоптического видения» – на самом деле буквально, а не метафорически? Ведь «общие взгляды», несомненно, могут быть поддержаны общими видами. Что, если философским целям лучше, чем одни только штудии, служит опыт, опять же в буквальном смысле перипатетический? И если утверждается, что за пределами высшей спекулятивной образованности располагается деятельное, этическое, то не добавить ли нам к нашим обследованиям служение? А к нашим занятиям – творение добра?

Вполне возможно, что среди менее специализированных и наименее муниципально могущественных членов сообщества городские энтузиазмы и энергии открывающегося будущего будятся легче всего. Причем не только среди рабочих и художников, которые могут в лучшем случае вернее всего их огласить, но и среди женщин и среди детей в наших школах. Поэтому в двух недавно изданных томах одной общедоступной популярной серии, «Эволюция» и «Пол», автор и его коллега не колеблясь обратились к ним с призывом к изучению городов и их улучшению, призывом одновременно эвпсихическим, эвтехническим и эвтопическим, обратились на самых общих основаниях – основаниях человеческой жизни в ее непрерывности и в ее возвышении.

Не могут и церкви всех деноминаций откладывать дальше эту всеобъемлющую работу с областью городского обновления, обещаемую и требуемую со всех сторон – в папских энцикликах, епископских воззваниях и председательских обращениях, а также в поощряемых и вдохновляемых ими воскресных гражданских речах. Будет совершенно справедливо признать, что никогда с самого далекого прошлого не было недостатка в фундаментальных и жизненно важных городских начинаниях и что современные их продолжения и адаптации расцветают всюду. Разобшение церковей и замена их Государством, конечно, старше палеотехнического устройства, но долгая их неэффективность в обращении с ним сильно на них повлияла. И все же по мере того, как их вхождение в социальное обновление становится все яснее в мысли и еще определеннее в действии, их эмансипация должна соразмерно прогрессировать; и в скором времени они, возможно, станут работать

со многими городскими проблемами более животворно, чем это могут делать Государство и его чиновники. Всегда именно групповая эмоция, групповой энтузиазм создает и переделывает города, и глас «О Иерусалим, Иерусалим!» никогда не перестанет звучать и отзываться эхом в веках.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: vnik1968@yandex.ru